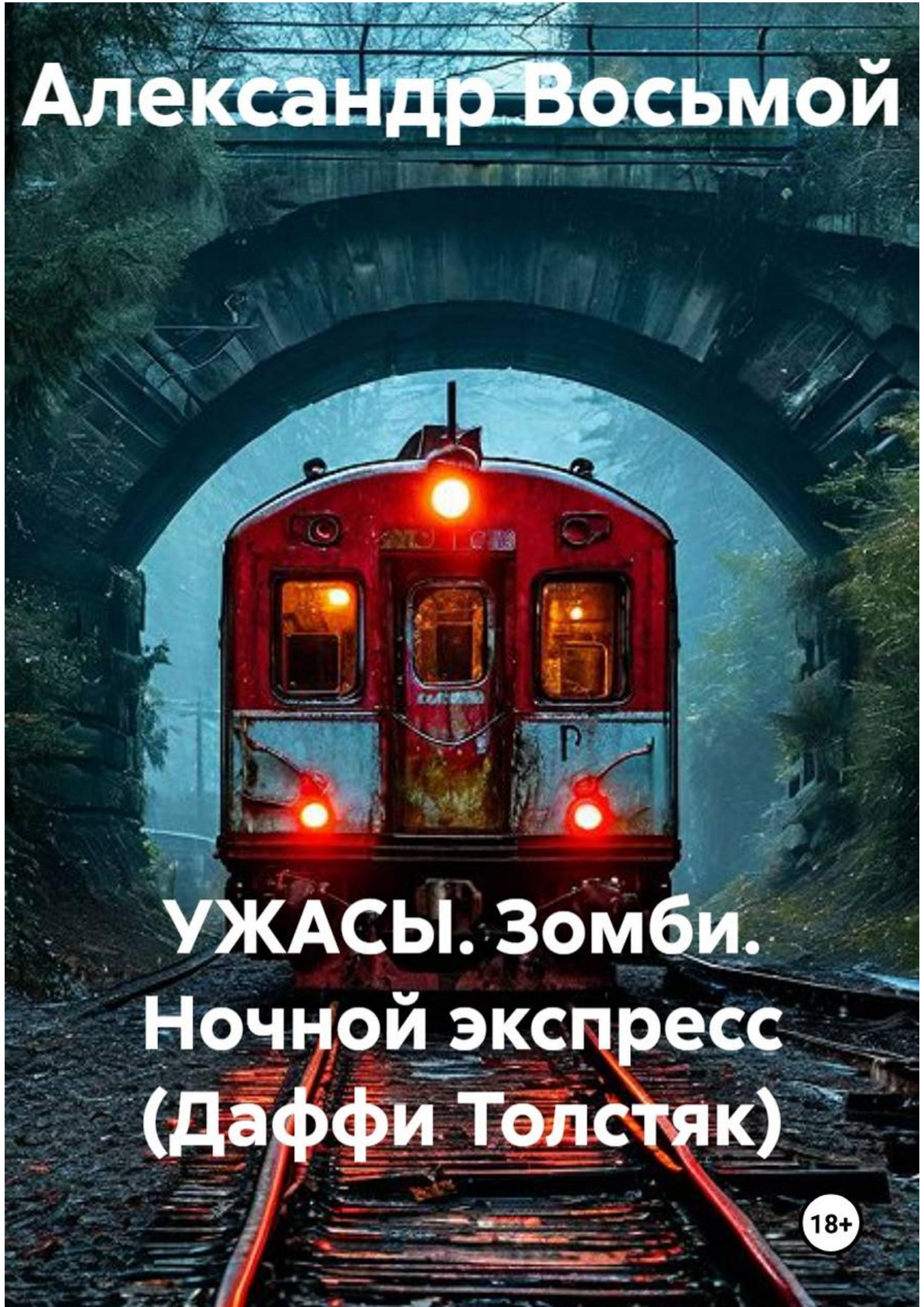

A red train is emerging from a dark, arched tunnel. The train's headlights are on, and its windows are illuminated from within. The tunnel is made of stone or concrete, and the surrounding area is dark and misty. The train is moving towards the viewer, and the tracks lead into the distance.

Александр Восьмой

**УЖАСЫ. Зомби.
Ночной экспресс
(Даффи Толстяк)**

18+

Александр Восьмой

**УЖАСЫ. Зомби. Ночной
экспресс (Даффи Толстяк)**

«Автор»

2026

Восьмой А.

УЖАСЫ. Зомби. Ночной экспресс (Даффи Толстяк) /
А. Восьмой — «Автор», 2026

«Кровь на рельсах: поезд, который не останавливается» Ночной экспресс, идущий через глухие леса, внезапно теряет управление и превращается в ловушку. Пассажиры обнаруживают, что вагоны заражены паразитом, который превращает людей в агрессивных носителей: заражение передаётся через прикосновение и усиливается в темноте. Машинист и бывший военный пытаются удержать состав от падения с моста, пока внутри поезда нарастает хаос..

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

УЖАСЫ. Зомби. Ночной экспресс (Даффи Толстяк)

Глава 1. «Последний гудок перед тишиной»

Последний гудок разорвал ночную тишину, будто пытался удержать поезд на станции — но стальные колёса уже цеплялись за рельсы, утаскивая состав во тьму. Гроза висела над путями, как тяжёлое чёрное одеяло, и молнии били так близко, что в вагонах на секунду вспыхивали все лампы, выхватывая из полумрака испуганные лица, чашки на столиках, скомканные пледы.

В вагоне-ресторане ещё смеялись. Кто-то рассказывал анекдот, и смех звучал слишком громко, будто люди сами пытались заглушить нарастающую тревогу. В купе листали книги, но глаза скользили по строчкам, не улавливая смысла: за окнами не было ни огоньков деревень, ни фонарей — только лес, плотный и глухой, словно стена. А в техническом отсеке что-то щёлкало — ритмично, настойчиво, будто отсчитывало секунды до катастрофы.

Машинист Виктор Степанович вцепился в рычаги, чувствуя, как поезд тянет вперёд с какой-то злой, упрямой силой. На панели приборов плясали цифры: давление в тормозной магистрали падало, но система не фиксировала утечку. Ни пробоя, ни ошибки, ни предупреждения — просто стрелка ползла вниз, будто сама по себе. Виктор стиснул зубы и потянулся к рации:

— Диспетчер, это экспресс 417, у меня падение давления, система молчит. Приём.

Тишина в эфире была не пустой — она гудела, как натянутая струна. Потом пришёл шум: белый, колющий, в котором тонули слова. И среди этого шума — обрывок шёпота. Виктор дёрнулся, будто его коснулись ледяной рукой, и резко выключил рацию.

А в хвосте состава в этот момент произошло то самое, незаметное, роковое касание.

Молодая женщина, возвращавшаяся с работы, потянулась, чтобы поправить сумку соседа, и её пальцы на долю секунды легли на его запястье. Этого хватило.

Сосед не вздрогнул. Не отдёрнул руку. Просто замер, и в этом замирании было что-то неестественное — как будто время для него остановилось, а потом пошло по другой траектории. Его зрачки расширились, поглотив радужку, и в этой черноте мелькнуло что-то, чего не должно быть в человеческом взгляде — пустота, в которой шевелилось нечто чуждое.

Он медленно повернул голову. Не к женщине. В сторону темноты коридора, где свет ламп не дотягивался до конца, оставляя там вязкую, маслянистую тень. И тень будто отозвалась — дрогнула, сгустилась, стала плотнее.

Первая искра заражения вспыхнула не огнём — она вспыхнула тишиной. Крик, который должен был родиться в груди женщины, так и не вырвался наружу: он застрял где-то в горле, превратившись в судорожный вдох. А сосед уже поднимался, его движения были резкими, дёрганными, как у марионетки, чьи нити дёргает безумный кукловод.

В этот момент в вагоне погасла одна лампа. Потом ещё одна. Свет мигнул, будто кто-то играл выключателем, и в эти короткие мгновения темноты что-то проскользнуло между купе — быстрое, бесшумное, слишком ловкое для человека.

Игорь, бывший военный, ехавший в плацкарте, почувствовал это не ушами и не глазами — кожей. Волоски на руках встали дыбом, а в затылке закололо, как перед ударом. Он резко сел, вглядываясь в полумрак, и заметил, как из коридора выходит тот самый сосед — и теперь в нём не осталось ничего человеческого. Его поза была неестественно прямой, движения — угловатыми, будто суставы вывернулись наизнанку. А глаза... в них не было ни злости, ни боли — только холодная, пустая сосредоточенность.

— Эй! — Игорь окликнул его, проверяя, надеясь, что это просто обморок, паника, что угодно.

Существо (а это уже не было человеком) повернуло голову — слишком плавно, слишком далеко, будто шея больше не подчинялась законам анатомии. Оно посмотрело прямо на Игоря, и в этом взгляде не было узнавания. Только цель.

И тогда Игорь понял: поезд уже не просто мчится сквозь ночь. Он везёт смерть, и она уже здесь, в нескольких метрах от него, в шаге от того, чтобы разорвать тишину настоящим, оглушающим криком.

Где-то впереди снова ударил гром, и в этот раз он прозвучал не как природное явление — он прозвучал как приговор. Поезд рванул вперёд, набирая скорость вопреки всем командам, и рельсы под колёсами запели — низко, протяжно, будто сами пути знали, что везут нечто, чему нельзя позволить остановиться.

Глава 2. «Тени в проходе»

Свет в вагонах начал мерцать — не как при обычной грозе, когда лампы дрожат от скачков напряжения, а будто реальность вокруг поезда трещала по швам. Вспышка — и на долю секунды становилось видно каждую морщинку на лицах, каждую складку на пледах, каждую тень, которая лежала чуть не там, где ей полагалось. Потом — провал во тьму, плотную, маслянистую, будто её можно было потрогать. И снова вспышка.

Пассажиры вздрагивали, но старались держаться за привычные объяснения.

— Это просто гроза, — бормотал мужчина в клетчатой рубашке, вцепившись в подлокотники. — Линии шатают, вот и мигает.

— Да, да, конечно, — кивала его жена, но голос у неё дрожал, а глаза всё время скользили к тёмному проёму двери между вагонами, где свет не задерживался дольше мгновения.

А напротив Игоря, в плацкарте, сидела женщина — та самая, что ещё час назад листала глянцевого журнала и тихо смеялась над какой-то заметкой. Теперь её журнал лежал на полке, забытый, смятый. Она не шевелилась. Просто смотрела вперёд, и в этом взгляде не было ни скуки, ни задумчивости — только пустота, гладкая и холодная, как чёрный лёд. Зрачки её расширились так, что от радужки почти ничего не осталось. Игорь смотрел на неё и чувствовал, как по спине ползёт ледяной муравей: что-то в этой неподвижности было страшнее крика.

Он медленно, стараясь не делать резких движений, потянулся за ремнём сумки, проверяя, насколько легко вынимается нож — старая привычка, въевшаяся в мышцы за годы службы. И в этот момент из соседнего вагона донёсся крик. Короткий, резкий, полный животного ужаса. А потом — тишина. Не та, что бывает после крика, когда человек переводит дыхание, а другая: мёртвая, окончательная, будто звук просто оборвали посередине, как нитку.

Игорь поднялся. Вагон качнуло на повороте, и колёса завывали на стыке рельсов — звук был такой, словно поезд не ехал, а полз по чему-то живому, царапая когтями. В проходе кто-то бормотал молитвы, кто-то шептал «всё нормально», но эти слова звучали как заклинания, призванные удержать реальность от распада.

Пробираясь к переходу, Игорь старался держаться ближе к свету, хотя тот и подводил. Лампы гасли по одной, будто кто-то щёлкал выключателями в невидимой комнате. В воздухе пахло озоном — так пахнет перед ударом молнии, когда воздух становится густым и колючим. И поверх этого запаха, едва уловимый, но отчётливый, тянулся другой: гнилой, тяжёлый, будто где-то рядом разлагалось что-то большое.

Дверь между вагонами распахнулась сама — или её распахнуло сквозняком, или... что-то другое. Игорь замер на пороге, вглядываясь в полумрак следующего вагона. Там было хуже: свет цеплялся только за потолок, оставляя пол и углы в непроглядной тьме. И в этой тьме что-то двигалось. Не плавно, не как человек — дёргано, рывками, будто тело слушалось не мозга, а чужой воли, дёргающей за нити.

Из темноты вышел первый носитель.

Раньше это был, наверное, проводник — на нём ещё болтался наполовину расстёгнутый форменный китель, тусклые пуговицы поблёскивали в редких вспышках света. Но теперь в нём не осталось ничего от того, кто разносил чай и проверял билеты. Его движения были угловатыми, неестественными: он ставил ноги не туда, куда смотрел, а его руки висели, как тяжёлые плети, и вдруг, без предупреждения, дёргались вперёд, будто сами по себе. Голова поворачивалась слишком резко, с хрустом, который Игорь слышал даже сквозь грохот колёс.

И глаза. В них не было ни боли, ни ярости — только сосредоточенность хищника, который уже выбрал цель. И этой целью был Игорь.

— Эй, — тихо, но твёрдо произнёс Игорь, не делая шагов ни вперёд, ни назад. — Ты меня слышишь?

Существо замерло. На долю секунды в его позе проскользнуло что-то человеческое — будто воспоминание о том, как стоять, как дышать. А потом оно моргнуло, и эта искра исчезла. Оно наклонило голову, изучая Игоря, как изучают незнакомый предмет, который может оказаться опасным. И тогда Игорь понял: перед ним не человек, которого можно уговорить, успокоить, привести в чувство. Перед ним механизм, заряженный агрессией, и он уже запущен.

Тьма в вагоне сгустилась, будто откликнулась на эту мысль. Ещё одна лампа погасла, и пространство между ними стало чёрным провалом. Существо сделало шаг, и его рука метнулась вперёд — быстро, с нечеловеческой точностью. Игорь ушёл в сторону, чувствуя, как воздух дрожит от близости удара. Нож скользнул в ладонь — привычно, спокойно, как продолжение его воли.

Но он не ударил. Не потому что не мог — потому что ещё надеялся, что это ошибка, что где-то внутри этого тела остался человек, который просто борется с чем-то страшным.

— Не подходи, — голос Игоря звучал твёрже, чем он себя чувствовал. — Стой.

Вместо ответа существо издало звук — не крик, не рык, а что-то среднее: низкий, вибрирующий гул, от которого заныли зубы и задрожали стёкла. И в этот момент Игорь увидел ещё двоих. Они поднимались из темноты, двигаясь по-разному: один — крадучись, низко пригнувшись, будто вынюхивая жертву; другой — наоборот, выпрямившись во весь рост, но с такой неестественной осанкой, что казалось, будто его позвоночник сломали и собрали заново.

Разные виды. Разные тактики. И все они шли к нему.

Где-то впереди снова ударил гром, и на секунду вагон осветился ослепительной вспышкой. В этом свете Игорь увидел то, что заставило его кровь застыть: на полу, в луже собственной тени, лежало тело — неподвижное, с неестественно вывернутой шеей. Рядом валялась разбитая чашка, и чай смешался с чем-то тёмным, густым.

Поезд рванул вперёд, набирая скорость, и колёса запели свою безумную песню. Игорь отступил к двери, прикидывая, сколько у него есть времени, сколько шагов до следующего вагона, сколько шансов остаться в живых. Он знал одно: если он останется здесь, тьма поглотит его. Если побежит — может привести этих тварей к другим пассажирам.

Выбор был между двумя смертями. И он выбрал ту, что давала хоть малейший шанс другим.

Резко развернувшись, Игорь рванул дверь в следующий вагон и нырнул внутрь, успев краем глаза заметить, как тени в проходе шевелятся, собираясь в стаю. Свет мигнул и погас окончательно. И в наступившей темноте он слышал, как они идут — не шагами, а шёпотом, скрипом, хрустом, который становился всё ближе.

Глава 3. «Правила меняются в темноте»

Состав рвался вперёд, будто сам рельсовый путь стал живым и жадным, втягивая поезд в чёрную глотку леса. Скорость росла, игнорируя команды с пульта, как если бы тормоза больше не принадлежали машинисту. Виктор Степанович вцепился в рычаги, чувствуя, как металл под пальцами вибрирует не от движения, а от какой-то внутренней ярости — будто поезд сопротивлялся любой попытке его укротить.

На панели мигали индикаторы, но их сигналы больше не имели смысла: датчики показывали невозможное — температура в вагонах падала, хотя двигатели работали на пределе; давление в системе скакало, будто кто-то дёргал вентили в невидимых отсеках. Виктор потянулся к рации, стиснув зубы:

— Диспетчер, это экспресс 417, повторяю: не могу сбросить скорость, система не отвечает. Нужна экстренная блокировка путей! Приём!

В ответ пришёл только белый шум — колючий, плотный, заполнивший эфир до краёв. А сквозь него, едва уловимо, проступали обрывки фраз — не на русском, не на английском, не на каком-либо знакомом языке. Это был набор звуков, от которых по коже бежали мурашки: гортанные слоги, будто кто-то шептал заклинания прямо в микрофон. Виктор дёрнулся, будто его коснулись ледяной рукой, и резко выключил рацию. В кабине стало тише, но не спокойнее. Тишина теперь была тяжёлой, густой, она давила на уши, заставляя слышать то, чего не должно быть: шёпот в вентиляции, скрежет где-то под полом, дыхание — хотя в кабине он был один.

Тем временем в вагонах мир распадался на фрагменты. Свет гас не равномерно, а кусками, будто тьма откусывала от реальности по кусочку. Теперь поезд делился на «зоны» — так их начал называть Игорь, когда понял, что хаос подчиняется странной логике.

Были зоны безопасные — там ещё горел ровный, желтоватый свет, пассажиры жались друг к другу, шептали молитвы, пытались делать вид, что всё под контролем. Там воздух казался чуть чище, а тени не шевелились.

А были зоны проклятые — там свет мигал редко, а промежутки темноты становились всё длиннее. В этих местах тени не просто лежали на полу — они двигались, меняли форму, будто жили своей жизнью. И любой, кто задерживался там дольше минуты, начинал слышать голоса. Не шёпот, не крики — а слова, обращённые лично к нему. Знакомые голоса — тех, кого давно нет. Слова, которые знали только он и тот, кто их когда-то произнёс. И эти слова сводили с ума быстрее, чем когти и зубы.

Игорь собрал небольшую группу выживших в вагоне, где ещё держался свет. Здесь было человек десять — кто-то дрожал, кто-то пытался выглядеть спокойным, кто-то уже смотрел на остальных с подозрением, будто каждый мог оказаться угрозой. Среди них была Елена — врач поезда, с лицом бледным, но с глазами острыми, внимательными; студент Артём, который всё время сжимал и разжимал кулаки, будто пытался удержать себя от паники; пожилая женщина Нина, которая молча вязала что-то невидимое, её пальцы двигались быстро, механически.

— Слушайте меня, — голос Игоря звучал твёрдо, перекрывая гул колёс и редкие стоны из тёмного прохода. — Правила сейчас простые, и от них зависит, кто из нас доживёт до утра. Первое: не прикасаться ни к кому, кто ведёт себя странно. Даже если это ваш сосед, даже если это ваша жена. Если зрачки расширены, если взгляд пустой, если человек не реагирует на имя — не трогайте. Касание — это заражение. Второе: не оставаться в темноте. Ни на секунду. Если свет гаснет — уходите. Если видите, что тень двигается — уходите. Тьма здесь не просто отсутствие света. Она... усиливает это. Паразит.

Кто-то всхлипнул. Кто-то прошептал: «Это бред». Но никто не возразил вслух. Все видели достаточно, чтобы поверить.

Елена кивнула, соглашаясь с логикой, и добавила:

— Ещё важно: следите за кожей. Если появляются тёмные прожилки, особенно на руках и шее — это первые признаки. И... — она запнулась, подбирая слова, чтобы не вызвать панику, — и если человек начинает слышать голоса, которых нет, или видеть то, чего не видят другие — это тоже симптом. Паразит влияет не только на тело, но и на восприятие.

Артём поднял руку, будто на уроке, и спросил дрожащим голосом:

— А как... как он вообще работает? Откуда взялся?

Игорь на секунду задумался. Он не знал. Но знал, как выживать.

— Неважно, откуда. Важно, что он здесь. И он использует темноту, как топливо. Значит, мы будем держаться света. И держаться вместе. Но не слишком близко.

В этот момент свет в вагоне дрогнул. Одна лампа погасла. Потом другая. Тени в углах стали гуще, будто налились свинцом. Из прохода донёсся звук — не крик, а низкий, вибрирующий гул, от которого заныли зубы. Это был голос одного из «резонаторов» — тех заражённых, что не бросались сразу, а сначала ломали психику звуком.

Нина вдруг подняла голову и прошептала, глядя в темноту:

— Он зовёт меня. Мой муж... он говорит, что ждёт у двери.

Игорь метнулся к ней, но остановился в полуметре, помня собственное правило.

— Нина, смотрите на меня. Только на меня. Его там нет. Это не он. Слышите?

Она заморгала, будто выныривая из сна, и медленно перевела взгляд на Игоря. В её глазах мелькнул ужас — не от того, что она увидела в темноте, а от того, что чуть не сделала.

— Прости... я чуть не встала...

— Всё хорошо, — Игорь не подошёл ближе, но его голос был тёплым, насколько мог быть тёплым в этой ледяной реальности. — Вы держитесь. Мы все держимся.

Свет снова дрогнул, и на мгновение в проёме двери мелькнула фигура. Не человек. Слишком прямой силуэт, слишком резкие углы. Она не двигалась — просто стояла, наблюдая. И в этом наблюдении было что-то хуже любой атаки: расчёт.

Игорь медленно достал нож, не сводя глаз с проёма.

— Артём, — тихо, но чётко произнёс он, — возьми у Елены фонарик. Держи его включённым. Если свет погаснет полностью — светите в проходы. Не давайте тьме шанса. Елена, Нина — держитесь ближе к центру вагона, подальше от углов.

Где-то впереди ударил гром — такой мощный, что вагон содрогнулся. И в этот момент поезд вошёл в поворот, который казался слишком крутым для такой скорости. Колёса взвыли, металл застонал, и на секунду Игорю показалось, что они вот-вот сойдут с рельсов. Но состав удержался — и рванул дальше, будто сам хотел убежать от того, что творилось внутри.

Тени в проходе шевельнулись. Фигура исчезла — но Игорь знал, что она не ушла. Она просто сменила позицию. Ждала.

И тогда он понял: правила, которые он только что установил, были слишком простыми для того, с чем они столкнулись. Тьма меняла не только восприятие — она меняла саму реальность вокруг них. И чтобы выжить, им придётся не просто следовать правилам, а переписывать их на ходу.

— Держите свет, — повторил Игорь, вглядываясь в темноту, которая, казалось, смотрела на него в ответ. — Пока горит свет — мы живы.

Глава 4. «Виды заражённых: классификация по кошмару»

В тесном купе, которое они превратили в импровизированный штаб, воздух был густым от напряжения и запаха озона, вьёвшегося в ткань штор и обивку сидений. Игорь держал в руках тусклый фонарик — его луч дрожал не столько от тряски поезда, сколько от того, как нервно сжимали пальцы рукоять. Напротив него, склонившись над блокнотом, Елена быстро,

почти судорожно выводила строчки, а между словами вставляла схематичные наброски фигур — угловатых, неестественно вытянутых, с глазами, в которых не было ничего человеческого.

— Смотри, — Елена подняла голову, голос её звучал твёрже, чем можно было ожидать от человека, который только что видел, как тень пожирает свет. — Это не случайность. Это... система. Паразит не просто ломает тело — он его перестраивает под задачу. Как конструктор, который собирает разные инструменты из одного набора деталей.

Игорь прищурился, вглядываясь в её записи.

— Какие задачи?

Елена провела пальцем по трём колонкам, которые успела набросать.

— Первые — «тихие». Те, что замирают в углах. Они не атакуют. Не бросаются. Просто стоят, будто слушают что-то за пределами нашего мира. Я видела одного в тамбуре: он не шевелился минут десять. Только зрачки бегали — так быстро, что казалось, он сканирует пространство. Думаю, они — наблюдатели. Передают сигнал остальным.

Игорь вспомнил фигуру в проёме двери — ту, что стояла слишком неподвижно, слишком внимательно. Холодок пробежал по спине.

— Значит, если видишь «тихого» — значит, уже поздно прятаться.

Елена кивнула, губы сжались в тонкую линию.

— Да. А вот вторые — «охотники». Это те, кто двигается быстро. Бесшумно. Я видела, как один из них прошёл по коридору — ни разу не задел поручни, ни разу не споткнулся, хотя свет мигал, а вагон трясло. Они ориентируются на тепло и звук. Если ты дышишь чуть громче — они тебя слышат. Если прячешься в углу, где воздух теплее — они тебя чувствуют.

Она сделала паузу, будто подбирая слова, чтобы не звучать как безумная.

— А третьи... третьи хуже всего. «Резонаторы». Они не бросаются. Не преследуют. Они просто... звучат. Издают этот низкий гул, от которого вибрируют стёкла и сводит зубы. У одного из пассажиров, которого мы пытались увести из тёмной зоны, после такого гула пошла кровь из ушей. Он кричал, что слышит голоса, которые приказывают ему делать... страшные вещи.

Игорь стиснул зубы. Он вспомнил тот звук — вибрирующий, проникающий под кожу, заставляющий мышцы сжиматься против воли.

— И что это даёт паразиту? Зачем ему такие... специализации?

Елена посмотрела на него так, будто сама боялась собственного вывода.

— Чтобы заражать эффективнее. «Тихие» находят. «Охотники» ловят. «Резонаторы» ломают психику, заставляют людей делать глупости — выбегать из укрытий, бросаться друг на друга, прикасаться. А касание — это заражение. Паразит использует нас самих как оружие против нас же.

В этот момент поезд резко дёрнулся на стыке рельсов, и фонарик в руке Игоря метнул луч по стенам, выхватив на секунду тёмный силуэт в проёме. Он погас так быстро, что можно было бы списать на игру света — если бы не хруст, раздавшийся сразу после. Хруст суставов, вывернутых не по-человечески.

Игорь вскочил, выставив нож, но в проходе уже никого не было. Только тень осталась — густая, маслянистая, будто впитавшая в себя свет.

— Они учатся, — тихо сказала Елена, не поднимая глаз от блокнота. — В первые минуты заражения человек ещё похож на себя. Потом... потом тело начинает меняться. Я видела у одного из заражённых капилляры — они потемнели, стали чёрными, как будто по ним течёт не кровь, а что-то другое. И эти чёрные нити тянутся к нервам, к мозгу. Паразит буквально переписывает нервную систему, превращая человека в инструмент.

Игорь медленно опустился обратно на сиденье, но не расслабился — просто понял, что стоять сейчас опаснее: в случае рывка можно потерять равновесие, а в ближнем бою это смерть.

— Значит, у нас нет времени на жалость, — произнёс он, глядя не на Елену, а в темноту за окном, где лес сливался с небом в единую чёрную массу. — Если видим признаки — изолируем. Если не можем изолировать — обездвиживаем. Навсегда.

Елена подняла на него глаза — в них не было осуждения, только усталость и холодная решимость.

— Я не врач сейчас, — сказала она тихо. — Я... свидетель. И если я смогу описать, как это работает, может быть, кто-то потом поймёт, как это остановить.

Где-то впереди снова ударил гром — на этот раз он прозвучал не как природное явление, а как удар колокола, отсчитывающего последние минуты спокойствия. Поезд мчался вперёд, и скорость его была такой, что казалось — рельсы под колёсами плаваются.

И в этот момент из дальнего вагона донёсся тот самый гул — низкий, вибрирующий, от которого заныли зубы и задрожали стёкла. «Резонатор» работал. И его звук был не просто угрозой — он был приказом. Призывом к хаосу.

Елена вздрогнула и схватилась за блокнот, будто он мог защитить её от этого звука.

— Он... он заставляет их слышать то, чего нет, — прошептала она. — Заставляет хотеть делать то, что нельзя. Если мы не найдём способ заглушить этот звук...

Игорь не дал ей договорить. Он уже знал, что будет дальше.

— Мы найдём, — сказал он, поднимаясь и проверяя, крепко ли сидит нож в ножнах. — А пока — держимся света. Держимся вместе. И не даём им ни шанса превратить наш страх в оружие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.